

— Стоишь тут истуканом, чего вылупился? Родных родителей не узнаешь, поздороваться не научили? — рявкнул Цинь Чжэньхэ, побагровев от гнева.

— Ой, ну что ты, — поспешила вмешаться Фан Хаймэй, пытаясь сгладить углы. — Ребенок только вернулся, еще не привык, освоится со временем.

— Отец, не сердитесь, — поддержал ее Цинь Минчуань. — Цинь Юань только переступил порог дома, ему нужно время на адаптацию. Да и потом, та пара, у которой он жил, вряд ли смогла дать ему достойное воспитание. Незнание элементарных приличий вполне объяснимо.

— Именно, папочка! Брат Юань столько натерпелся там, на улице, мы должны окружить его заботой и пониманием! — Цинь Жун крепко обняла отца за руку, ласково заглядывая ему в глаза.

Цинь Юань стоял молча, наблюдая за этой сценой. Вокруг него словно образовался вакуум — атмосфера, в которую он не мог вписаться, в которой он был чужим.

Лишним.

Тем временем в кухне слуги, спрятавшись за дверью, перешептывались:

— Слышали? Этот молодой господин Юань вырос в трущобах!

— Ужас какой. Грязное, зловонное место, смотреть противно! Разве может вырасти приличный человек в такой помойке? Мы, люди из нормальных семей, и то ведем себя куда достойнее.

— Не то слово! Вчера видела, как он на еду набросился — жадно, как зверь, словно в жизни слаще морковки ничего не пробовал. Никакого воспитания, позорище, даже мы, слуги, и то лучше знаем, как за столом себя вести.

— Повезло ему, ничего не скажешь — родился в такой семье, как Цинь. А иначе всю жизнь бы в грязи копался, в глаза не видел таких богатств.

— Да уж. То ли дело наш младший господин: и собой хорош, и характер покладистый, а уж какой талантливый! Как старательно он на пианино занимается, одно жаль — крови родной нет.

— Господин с госпожой души в нем не чают. И даже если он теперь не считается членом семьи, с такими данными он точно пробьется в жизни.

— И не говори. А этот, из трущоб, говорят, еле-еле начальную школу закончил, а потом только и делал, что по улицам околачивался. И что толку от этой кровной связи? По-моему, господин

его в упор не видит, даже за сына не считает!

Внезапно на них упал тяжелый взгляд. Юноша молча смотрел прямо на них.

Слуг охватил испуг. Кухня далеко, звуки доноситься не должны были, иначе они бы ни за что не рискнули сплетничать при хозяевах. Но взгляд парня был таким, будто он слышал каждое слово.

— Я сегодня ничего не ел. Можно мне поесть? — Юань отвернулся.

Стоявший в углу гостиной дворецкий вздрогнул: неужели младший господин...

Не дождавшись ответа на свой вопрос, глава семьи напустился на прислугу:

— Управляющий Линь, как у вас работают люди? Почему младший господин голодный?

Пусть он и не питал теплых чувств к найденному сыну, но подобная небрежность слуг указывала на развал всей системы управления домом.

Затем, сменив тон, он добавил:

— Раз не ел, чего же ты бродишь? Чему тебя только научили эти двое?! Никакого понятия о правилах.

Фан Хаймэй потянула его в сторону столовой:

— Чего ждать от двух воров, укравших ребенка? Какое там воспитание. Вернулся — научим, как надо.

— Вы сказали, мама и папа украли меня? — неожиданно подал голос Цинь Юань.

— Мама и папа?! — Лицо Фан Хаймэй, еще мгновение назад изящное и безмятежное, исказилось от негодования. Голос стал холодным, как лед: — Они не твои мама и папа! Они — пара воров, укравших чужого ребенка!

— Верно, братец, твои настоящие родители здесь, — обеспокоенно добавил Цинь Жун. — Папа и мама так горевали, когда тебя украли. Хотя те люди растили тебя больше десяти лет, теперь, когда ты вернулся, не называй их так. Папе и маме будет больно!

— В доме Цинь нужно соответствовать статусу. Если бы те отбросы из трущоб не подошли так рано, я бы устроил им сладкую жизнь! — холодно бросил Цинь Минчуань.

— Нет, — дрожащими ресницами, сжав кулаки, твердо возразил юноша. — Мама сказала, что нашла меня в мусорном баке. Она не крада меня!

Ему было плевать, как они его унижают, но клевету на мать он стерпеть не мог. Гнев закипел внутри, перед глазами всплыл до боли знакомый образ. Лицо матери, залитое слезами перед самой смертью, навеки врезалось ему в память.

— Мама сказала, что от меня отказались, она нашла меня в мусоре. Она ждала два дня, никто не пришел, поэтому она забрала меня домой! Они не воры!

Глаза Цинь Юаня наполнились слезами, но худое лицо было поднято с вызовом.

Ты хочешь дать им отпор? Давай. Имеют ли право биологические родители, не вложившие в тебя ни капли сил, судить тех, кто растил тебя, отдавая последнее?

Однако Фан Хаймэй оставалась непреклонна. Потеряв самообладание, она пронзительно выкрикнула:

— Не смей больше называть ее мамой! — Ее лицо, еще недавно воплощение красоты, теперь пылало ненавистью и холодным презрением.

Как старшая дочь семьи Фан и госпожа дома Цинь, она обладала высоким статусом. Ее кровь не могла быть связана с грязными низами общества! Даже если этот сын — сплошное разочарование, пока он жив и в его жилах течет ее кровь, она не допустит подобного позора!

Ее длинные ногти впились в плечи юноши, до боли вонзаясь в кожу, словно желая раздробить кости.

— Может, тебя и украли, а может, ты просто был выброшен в мусорку в суматохе, и они тебя подобрали.

Ее лицо с безупречным макияжем нависло над ним, прекрасное и удушающе властное.

— Но в любом случае, ты не имеешь права иметь ничего общего с этими грязными ничтожествами! Ты — мой сын!

И тут же, в следующую секунду, женщина, только что осыпавшая его холодными угрозами, сменила гнев на милость и нежно позвала:

— Жун-Жун, иди обедать.

Она без колебаний взяла младшего сына за руку и направилась к столу.

Цинь Юань стоял, остолбенев, не в силах постичь происходящее. Среди всех членов семьи только Фан Хаймэй казалась ему хоть сколько-нибудь человеческой. Пусть она была холодна к нему, но хотя бы пыталась сгладить углы. Кто бы мог подумать, что при упоминании приемных родителей она придет в такое неистовство?

Она словно одновременно и дорожила тем, что он ее сын, и презирала этот факт.

Семья Цинь уже расселась по местам. Слуги бесшумно расставляли блюда, пряча глаза.

Кто бы мог подумать, что госпожа так взбесится на этого парня из трущоб?

Слуги злорадно усмехались: и что с того, что есть кровная связь? Вернулся из трущоб, хозяевами не любим, старший брат его в грош не ставит, а с младшим господином и вовсе не сравнить. Разве это настоящий наследник?

— Чего застыл? Иди ешь! — прикрикнул Цинь Чжэньхэ.

Цинь Жун поднял взгляд: кажется, отец и брат совсем не рады возвращению родного сына и брата, но вот отношение мамы...

— Брат Юань, иди скорее к столу!

<http://bllate.org/book/21339/2165441>